

Юсти
Рен

ЮСТИС РЕЙ

ЖЕЛАЯ

АРТЕМИДУ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Дизайн переплета *Саши Леманн*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Умиравший Святой Себастьян», 1789 г.
художника *Франсуа-Ксавье Фабра (1766–1837)*.

Цитата на обложке взята из произведения
Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»,
перевод *Ю. М. Антоновского*

Рей, Юстис.

Р35 Желая Артемиду / Юстис Рей. — Москва : Эксмо,
2026. — 640 с.

ISBN 978-5-04-212732-8

Лучший друг Майкла покончил с собой. Он не может смириться с потерей и винит себя в случившемся.

Ни любовь к младшей сестре, ни живопись, которой он мечтал посвятить жизнь, не приводят его в чувства — лишь одержимость сестрой мертвого друга возвращает его в реальность. Поговаривают, что она душевнобольная, но почему она кажется самой разумной из всех, кого он когда-либо встречал?

Его поглощает калейдоскоп бурных ночей и беспорядочных связей, но порой через густое марево проступает тень прошлого — туманный призрак девушки, исчезнувшей из школы-пансиона, где учился Майкл. Расследование полиции зашло в тупик — ни улики, ни подозреваемых, — но семья пропавшей нанимает частного детектива, который намерен выяснить правду. Даже ценой собственной жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рей Ю., 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-212732-8

*«Люди, к которым испытываешь
наибольшую привязанность, не всегда вызывают
наибольшее уважение».*

Жорж Санд. Орас

ПРОПАВШАЯ БЕЗ ВЕСТИ

Мэри Энн Крэйн

Лидс, Суррей

Возраст: 16 лет

Пол: женский

Место рождения: Англия, Нерсборо

Волосы: каштановые, вьющиеся, ниже лопаток

Глаза: голубые

Рост: 5,5 футов

Вес: 117 фунтов

Мэри Энн Крэйн, ученица частной школы-пансиона Лидс-холл, была объявлена пропавшей 17 июня. В последний раз Мэри видели в стенах школы в ночь с 16 на 17 июня. На ней было синее платье и черные кеды. Мэри оставила все вещи в комнате в резиденции школы. Тщательный обыск здания и близлежащих районов и последующее расследование не увенчались успехом. С тех пор как Мэри пропала, она не связывалась с семьей и друзьями. Полиция продолжает расследование.

Если у вас есть какая-либо информация об исчезновении Мэри Энн Крэйн, рекомендуется связаться с офисом полиции по телефону или сообщить посредством личного обращения в отделение.

ЧАСТЬ I

Майкл

Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его.
Нет у него утешителя из всех, любивших его;
все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ 1:2

В моей душе живет нечто непонятное мне самому.

МЭРИ ШЕЛЛИ.
ФРАНКЕНШТЕЙН, ИЛИ СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

В начале было Слово¹. И этим Словом была Ярость. **С** колотящимся сердцем, все еще трепеща от ужаса и потрясения, Майкл спрятал руки в карманы и сжал челюсти, подавив приступ тошноты, что сопровождал его всю дорогу на кладбище: липкая духота, назойливое жужжание матери, бесконечная тряска и его безвольно болтающееся тело на заднем сиденье. Подсвеченная солнцем зелень резала глаза, билась в такт сердца.

Ярость набухала. Майкла распирало от злобы и невысказанной тоски, отчего он каждый раз вспыхивал из-за сущих пустяков: новые запонки никак не застегивались, черную ткань костюма припекало, ветер обдавал пылающие щеки нагретым воздухом, собственное отражение расплывалось в окнах машин. Даже от правильности старшего брата тошнило чуть больше обычного. Как и всегда, Эдмунд вызвался сопровождать его, чтобы поддержать в главной жизненной цели — не опозориться, хотя сегодня все причины для опасений померкли: Майкл был слишком измотан утренним приступом рвоты, слишком устал для экстравагантных выходов, слишком трепетал перед покойником. С тех пор как исчезла Мэри Крэйн, он мучился бессонницей, постоянно клевал носом, страдал от ничем не убиваемой мигрени, едва ел — в желудке все предательски скрутило, заурчало, и он втянул живот, а после сунул руки еще глубже в карманы брюк.

¹ Ин. 1:1. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

— Ты как? — спросил Эдмунд с привычной беспокойной ноткой и внезапно появившейся в голосе хрипотцой.

Майкл обещал себе держаться стойко, а если и плакать, то с достоинством, как Ахилл, провожающий Патрокла в последний путь: «Радуйся, храбрый Патрокл! и в Аидовом радуйся доме! Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался»¹. Или как герой оскароносной драмы, выдавая одну запоминающуюся реплику за другой, но в голове точно возвели новые стены, переставили всю мебель, надымили — ни слез, ни слов — все застыло в тупом онемении. Порой он просыпался в душной комнате, утопающей в молочном свете, и с минуту соображал, существует ли, а если и существует, то где.

— Почему мы здесь? — не унимался Эдмунд, полы его пиджака дрожали на ветру.

— Он был моим лучшим другом.

— Не обманывай себя. Хотя бы сегодня.

Майкл впервые за день внимательно взглянул на брата: на молодое, но мужественное лицо, что расплывалось перед глазами, точно на плохо проявленной фотографии. Обычно золотистые волосы Эда светились подобно нимбу, голубые глаза смотрели со вниманием и пониманием, но в тот день он как зеркало отражал Майкла, будто между ними не пролегла пропасть в семь лет. Брови Эдмунда сдвинулись к переносице, под глазами залегли тени, отчего лицо приобрело страдальческий, болезненный вид, и если бы Майкл знал брата чуть хуже, то решил бы, что тот намеренно копирует, дразнит его.

Неспешным шагом братья брели мимо серых надгробий, покрытых мхом и плесенью. На всех была выбита одна фамилия, великая, как бездна между Англией и США, вечная, почти как Господь Бог. Фамилия с историей — Лидс, — которая веками взращивала репутацию; частное кладбище — апогей их отрешенности от мира.

Майкл резко остановился, словно внезапно налетел на край пропасти, долго подавлял комок в горле и резь в глазах, набирал воздуха в легкие и сжимал кулаки, искал смелость, чтобы войти в толпу черных костюмов и платьев, душных при-

¹ Гомер. Илиада. Песнь XXIII. Пер. Н.И. Гнедича.

ветствий и пластмассовых соболезнований: умирать таким молодым, как несправедлив мир, пусть земля ему будет пухом. Он закусил щеку до крови — солоновато-железный привкус застыл во рту, точно он жевал горстку монет, — и обвел присутствующих неживыми глазами — он презирал и ненавидел их всех.

Эд по-отечески похлопал его по спине, после ободряюще стиснул плечо:

— Прорвемся.

Майкл одернул себя, сдержав язвительную колкость, — за последнее время это был самый подбадривающий поступок, который кто-либо совершал по отношению к нему. Не «прорвешься», но «прорвемся» — всегда вместе, вдвоем, несмотря ни на что. Ну что за человек? Нельзя быть таким добрым, подумал он, это просто патология. В последние годы Майкл только и стремился вывести Эда из себя, но тот с достоинством принимал удар, и оттого он все гадал, сможет ли хоть что-то переломить его спокойно-благостный настрой, стены невидимого буддистского храма, где никто не слушает дурного, не говорит дурного и не смотрит на дурное. Третья мировая? Спуск всадников Апокалипсиса на землю? Пропасть, внезапно разверзшаяся под ногами? Эд точно рос за год на пять и к двадцати пяти познал жизненную мудрость, как монах или вождь племени, отказавшийся от всего мирского, — он все подмечал и без труда завоевывал расположение людей. Его можно было только любить или обожать — негативных чувств он не вызывал. Втайне Майкл мечтал походить на него хотя бы на сотую долю, но верил, что для этого ему нужно было родиться от другого мужчины — от отца Эда.

Бытащив вспотевшие руки из карманов, Майкл беспокойно сжал их в кулаки, и так несколько раз, пока не унял дрожь. Пробрался через белый шум к черной пасти, зияющей в ослепительной зелени подстриженной травы. Могила с невероятно ровными стенками, точно сделанная с помощью формы для выпечки, — идеальная могила для идеального человека.

Гроб все еще везли — посылка без адресата.

Припекало. Он сильнее стиснул челюсти и кулаки. Язык присох к небу — ни вдохнуть, ни выдохнуть. За воротником

рубашки взмокло — он оттянул его, расстегнул верхнюю пуговицу. Дышать, стоять прямо, не рухнуть в обморок. Окутанное безмолвием, время погрузилось в знойное марево, замерло в неведении. Фредерик Лидс — исключительный юноша из исключительной семьи. Почему человек, подобный ему, добровольно расстался с жизнью? И если это произошло, может (и должен ли) Майкл дышать, ходить по земле и разговаривать?

Это твоя вина. Все твоя вина, шептал Фред или то, что от него осталось, где-то за ухом. Даже мертвым он знал больше, чем многие живые. Он был худшим из всех. Он был лучшим из всех. Почему это осознание всегда приходит так поздно? Отчего он пропитан этой неутрахающей, щемящей виной, сквозящей во всем, что он делал? Он оглянулся по сторонам в страхе, что кто-нибудь заметит, увидит, узнает, подбежит и вспорет брюхо, и из него зловонным потоком вывалятся личинки постыдных, грязных тайн. Но никто не обращал внимания. Никто, кроме *нее*...

Сердце ухнуло вниз, и он едва не сложился пополам в приступе ужаса, встретившись с ее прямым холодным взглядом. Глаза Фреда. Но не совсем. Проблеск жизни в глубине? Облаченная во все черное — лишь кусочек длинной шеи из-под воротника-стойки и мраморные руки белели на фоне, — точно призрак старого замка, она стояла на противоположной стороне могилы, словно на другом берегу, до которого он отчаянно желал, но не мог добраться. Смотрела беззастенчиво и прямо, впервые смотрела на него так долго. Она — Грейс Лидс, — как и полагается наследнице великого человека, держалась с выученной бесстрастностью и фамильной гордостью, с натянутой как струна спиной и лицом, не выражающим эмоций, — так же, как когда-то ее брат и отец. Только набухшая жилка у виска выдавала в ней живого человека.

Неуверенность? Оцепенение? Ступор! Как и всех учеников Лидс-холла, преподаватели заставляли его отыскивать идеальное слово для выражения своих мыслей. Идеальным словом, чтобы описать тот миг, было «ступор».

Черное платье полностью скрывало ее фигуру, придавая ей излишней бледности и болезненности, выделяло тени под глазами и сами глаза, испещренные красными прожилками. Она словно парила над землей, а учитывая длину платья — ног не

видно, — возможно, так оно и было. Как капля на кончике ножа, она грозилась упасть в любую минуту, затеряться в траве, погаснуть, как пламя свечи, раствориться в сильном порыве ветра, присоединившись к брату.

В сознании Майкла застыл ее образ в форме Лидс-холла. Грейс Лидс, тонкая и нездорово бледная, как умирающая балерина, изящная девушка со страниц пыльных романов, но заглянешь в глаза — и невольно отшатнешься. Неумолимая сила — во всем, что она делала и говорила, — именно она помогала ей выглаживать с лица страх, сомнение и вину — все, что мучило его после самоубийства друга.

Вот бы она умерла вместо него. Устроил бы меня такой расклад?

Он крутил эти мысли в голове то так, то этак, представляя, что на том краю стоит Фред, а Грейс иссохшим цветком укладывают на его место, но и этот вариант не пришелся ему по душе. Жизнь в целом не приходилась ему по душе. Уже очень давно.

— Мы собрались, чтобы благоговейно и искренне проститься с близким нам человеком. — Священник, уже немолодой, лысоватый и высокий мужчина, читал прощальную проповедь, время от времени поправляя очки, обращаясь взглядом ко всем и никому.

Отголоски его речи едва доносились до неслышащих ушей Майкла. Он едва дышал, едва соображал, словно уродливый младенец, бултыхался в духоте и воспоминаниях, но тяжелая ладонь Эда опустилась на его плечо, и пелена занавесом спала с глаз.

— ...Тайна смерти глубока и величественна, поскольку с ней связано завершение земного жизненного пути и будущее предстояние перед судом Божиим...

Перенять хотя бы каплю невозмутимости Грейс — в бесстрастности есть свои плюсы, сказал он себе, никто не знает, о чем ты думаешь, — можно нападать с любой стороны.

— ...Тело человека есть место, где обитает вечно живая душа, которая на земле, как в плену, томилась, объята плотью...

Жертвой его внимания теперь стала Агнес Лидс — тетя Грейс и Фредерика. На ее фарфоровом лице в обрамлении охровых волос застыла горькая печаль, откровенная подавленность, как